

Агапов Михаил Геннадьевич

ПАЛЕСТИНА В СОВЕТСКИХ ПЛАНАХ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА (1944-1947 ГГ.)

В статье рассматривается процесс формирования советской политики по отношению к палестинской проблеме на завершающем этапе Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования. Прослеживается переход советской дипломатии с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, к поддержке плана раздела Палестины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 10-12. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94:327(47+569.4)

В статье рассматривается процесс формирования советской политики по отношению к палестинской проблеме на завершающем этапе Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования. Прослеживается переход советской дипломатии с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, к поддержке плана раздела Палестины.

Ключевые слова и фразы: Палестина; ближневосточная политика СССР; Организация Объединенных Наций.

Михаил Геннадьевич Агапов, к.и.н., доцент
*Кафедра новой истории и международных отношений
Тюменский государственный университет
tagarov74@gmail.com*

ПАЛЕСТИНА В СОВЕТСКИХ ПЛАНАХ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА (1944–1947 ГГ.)[©]

Теперь хорошо известно, что СССР внес весомый вклад в создание государства Израиль. Если в советской историографии этот факт замалчивался, то за последние 20 лет, прошедшие с момента восстановления в октябре 1991 г. советско/российско-израильских отношений, он стал хрестоматийным [5; 6; 9]. Целью настоящей статьи является исследование до сих пор комплексно неизученного процесса формирования советской политики по отношению к Палестине на завершающем этапе Второй мировой войны и в период послевоенного мирного урегулирования.

Если ко времени окончания Второй мировой войны Великобритания и США уже обладали сильными позициями на Ближнем Востоке, то Советский Союз, как справедливо замечал И. М. Майский 10 января 1944 г. в записке В. М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства, до сих пор никакого влияния там не имел. Вместе с тем, по мнению Майского, укрепление позиций СССР в странах региона, вкупе с пактами взаимопомощи с балканскими государствами (Болгария и Румыния), обеспечило бы Советскому Союзу выход к Средиземному морю «в обход Турции и проливов» [2, п. 14, д. 145, л. 32]. Майский был хорошо знаком с положением дел в арабском мире. Благодаря проведенным им переговорам с премьер-министром Египта Мустафой ан-Наххасом, 26 августа 1943 г. между Египтом и СССР были установлены дипломатические отношения. Майский считал, что «объективные условия» для усиления позиций Советского Союза на Ближнем Востоке существуют, «их надо только использовать». В частности он предлагал незамедлительно открыть советские представительства в Ираке, Сирии, Ливане и Палестине. В условиях, когда практически весь регион был разделен на «зоны интересов» Великобритании и США, наиболее перспективной линией Майский считал торгово-экономическую и культурную дипломатию. Он выступал за наращивание советского влияния в регионе преимущественно «в сфере экономической, культурной и политической», именно в такой последовательности. Впрочем в условиях, когда Лондон контролировал правительство ряда арабских стран, имел там свои воинские контингенты, вряд ли предпринимаемые Москвой «меры дипломатического и культурно-политического характера» могли помочь ей потеснить англичан в жизненно важно для Британского Содружества Восточном Средиземноморье. Кроме того план Майского отличался внутренней противоречивостью – невозможно было проложить путь к гаваням Средиземного моря через страны Ближнего Востока, не осложнив при этом отношения с Англией, что, по мнению самого Майского, «на данном этапе не соответствовало бы нашим интересам» [Там же, л. 34].

Тем не менее, когда в июле–августе 1944 г. вслед за Египтом дипломатические отношения с СССР установили Сирия и Ливан, Москва получила возможность расширить пределы своего присутствия на Ближнем Востоке. Открывшиеся в указанных странах советские представительства поставили сбор информации о развитии ситуации в регионе на регулярную основу. Доклады Ближневосточного отдела (БВО) НКВД, из раза в раз сообщавшие о предпринимаемых Великобританией и США усилиях в направлении саттелитизации ближневосточных стран и установления контроля над их ресурсами [4, п. 1, д. 8, л. 27], позволили советскому руководству сделать вывод о начале между Великобританией и США борьбы за доминирование в арабском мире. Вероятнее всего именно это обстоятельство стало решающим в формировании устойчивого интереса Сталина к ближневосточным делам. В то время, когда хозяин Кремля серьезно опасался сговора английских и американских правящих кругов по ключевым вопросам послевоенного мироустройства за спиной Советского Союза, всякая конфронтация между Лондоном и Вашингтоном привлекала его особое внимание.

В этой связи в поле зрения сталинского руководства вошла и Палестина. Следует заметить, что уже с конца 1930-х гг. Палестина рассматривалась Москвой в духе *Realpolitik* как важнейший оплот Англии на Ближнем Востоке, один из центров военно-морских и военно-воздушных коммуникаций Британской империи, ее крупнейший нефтяной терминал [1, с. 14]. 31 марта 1945 г. замнаркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе высказал в записке Молотову предположение, «что именно на территории Палестины пройдут новые мощные нефтепроводы». Тот отмеченный Кавтарадзе факт, что «английский и американский капитал проявляют к Палестине

повышенный интерес», способствовал увеличению значимости последней в расчетах советской ближневосточной политики. Кавтарадзе предлагал открыть в Палестине советское консульство. Формальным основанием для этого шага являлись имущественные интересы СССР на «земле обетованной» и потребность проживавших в Палестине «более двухсот советских граждан» в консульских услугах. Однако, прежде всего, писал замнаркома, «наличие нашего представителя в Иерусалиме или другом пункте Палестины... диктуется необходимостью наблюдения за политикой Англии и США в этом районе» [10, с. 113].

С окончанием войны палестинская проблема была включена в повестку Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. 27 июля 1945 г. председатель Комиссии М. М. Литвинов изложил свои выводы. Оптимальным решением палестинского вопроса, с его точки зрения, было установление над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР. По мнению патриарха советской дипломатии, именно «коллективная администрация могла бы взяться за разрешение палестинской проблемы... в соответствии с интересами всего населения и с новыми требованиями политической жизни» [3, п. 4, д. 37, л. 34].

По-видимому уже летом–осенью 1946 г. наряду с проектом коллективной опеки над Палестиной советское руководство стало рассматривать возможность предоставления Палестине независимости. 11 ноября 1946 г., выступая на заседании Четвертого (по вопросам опеки и самоуправляющихся территорий) комитета Генеральной Ассамблеи ООН, член советской делегации Н. В. Новиков указал на то, что не все страны-мандатарии представили в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 февраля 1946 г. проекты соглашений об «условиях опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки». Особое внимание в этой связи Новиков обратил на позицию Великобритании, не представившей такого проекта для Палестины и не проинформировавшей ООН о причинах, почему этого не было сделано. Далее он заявил: «Судьба этой, равно как и других бывших мандатных территорий, после ликвидации Лиги Наций не может оставаться висящей в воздухе. Есть только два возможных законных пути определения их судьбы: либо путем предоставления независимости... либо путем установления опеки» [10, с. 513].

Главной целью заявления Новикова 11 ноября 1946 г. была дискредитация совместной англо-американской комиссии и англо-арабо-сионистской конференции по палестинскому вопросу, действовавших в тот период. На это указывает в своем письме в Москву посланник СССР в Ливане и Сирии Д. С. Солод: «прогрессивные арабские круги правильно поняли значение этого заявления. Так, например, газета “Орьян” писала 13 ноября, что советский делегат “высказал по этому случаю мнение, что попытка Великобритании урегулировать палестинскую проблему прямыми переговорами с Соединенными Штатами и представителями арабов и евреев противоречит принципам Устава Объединенных Наций”» [Там же, с. 182]. Несомненно заявление Новикова было направлено также на зондирование мнения заинтересованных в палестинском вопросе сторон. Полученные при этом результаты были учтены при выработке советской позиции по палестинскому вопросу. Она была сформулирована весной 1947 г., когда передача Великобританией палестинского вопроса в ООН предоставила СССР возможность, по выражению советника БВО МИД СССР Б. Е. Штейна, «принять эффективное участие в судьбе Палестины». Представленная БВО МИД СССР «Возможная позиция СССР при обсуждении палестинского вопроса в ООН» была нацелена главным образом на подрыв английских позиций на Ближнем Востоке. Критика мандатного режима и политики Великобритании по отношению к Палестине являлась красной нитью всех советских заявлений по вопросу Палестины весной–осенью 1947 г. В тоже время подключение МИД СССР к обсуждению положения в Палестине заставляло его сформулировать свою позицию и по вопросам ее внутреннего обустройства. Весной 1947 г. БВО МИД СССР поставил под сомнение возможность передачи Палестины под опеку ООН на том основании, «что население этой страны (как евреи, так и арабы) является достаточно зрелым для полной независимости», и при этом «ни арабы, ни евреи не соглашаются на какую бы то ни было опеку и требуют полной независимости» [Там же, с. 191].

14 мая 1947 г. советская позиция по вопросу Палестины была изложена на пленарном заседании Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН постоянным представителем СССР при ООН А. А. Громыко. Первая часть его выступления была посвящена критике мандатной системы управления Палестиной: «Именно в результате банкротства мандатной системы управления Палестиной, приведшей к крайнему обострению обстановки и к кровавым событиям... британское правительство передало этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Этот факт нельзя расценить иначе как признание невозможности продолжения существующего в Палестине положения». Если первая часть выступления Громыко не содержала в себе ничего неожиданного, то вторая стала «сенсацией». В ней представитель страны, не признававшей «еврейский национальный очаг» в Палестине, заявил: «Необходимо принять во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов – арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны». Иначе говоря, впервые и на столь высоком уровне СССР признал «еврейскую Палестину». Произнеся настоящий гимн страданиям и национальным чаяниям еврейского народа, Громыко назвал два возможных, с его точки зрения, варианта «будущего устройства Палестины и решения еврейского народа»: во-первых, «создание единого арабско-еврейского государства с равными правами для евреев и арабов» и, во-вторых, «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское... только в том случае, если бы оказалось, что невозможно обеспечить мирное сосуществование арабов и евреев» [8, с. 85-87].

Речь Громыко стала едва ли не самым заметным событием специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Председатель правления Всемирной сионистской организации (ВСО), будущий глава первого

израильского кабинета, Д. Бен-Гурион так прокомментировал выступление представителя СССР: «Уже давно мы не слышали из уст представителя великой державы таких потрясающих и верных слов о страданиях еврейского народа, о мучениях и безвыходности положения сотен тысяч европейских евреев, тщетно ищущих пристанища после катастрофы». Бен-Гурион особо подчеркнул политическое значение заявления Громыко: «Впервые мир услышал подтверждение от представителя Советского Союза: еврейский народ полон решимости создать собственное государство» [10, с. 222]. Еще более красноречивую оценку речи Громыко дал старейший сионистский лидер, будущий первый президент Израиля Х. Вейцман: «Я прочел заявление г-на Громыко в его содержательной речи, которая, казалось, могла бы быть произнесена сионистом. Я, конечно, не хочу приписывать ему того, чего нет. Я уверен, что он не сионист! Я не хочу его обидеть таким путем, но, тем не менее, его речь была хорошим сионистским заявлением» [7, с. 85].

Демарш Громыко укрепил позиции ВСО и лишил арабскую сторону надежды на поддержку Москвы по вопросу Палестины. И хотя советские дипломаты неоднократно заявляли в дальнейшем, что раздел Палестины на еврейское и арабское государства не ущемляет интересов арабов, конфликт СССР с арабским миром был очевиден. По мнению замминистра иностранных дел Югославии В. Велебита, ставка Москвы на сионистов свидетельствовала о «далекой перспективе» советского подхода: «Советское правительство не рисковало бы, втягиваясь в конфликт с арабами, ради временной выгоды» [10, с. 227]. Действительно, первый секретарь посольства СССР в США М. С. Вавилов в беседе с главой вашингтонского представительства ВСО Э. Эпштейном 29 июля 1947 г. следующим образом охарактеризовал советскую позицию по вопросу Палестины: «Советское правительство... полагает, что (сионисты) строят миролюбивое, демократическое и прогрессивное общество в Палестине, которое сможет воспрепятствовать распространению антисоветских настроений, которые так легко возникают в реакционных правящих кругах в арабских странах в настоящее время» [Там же, с. 242].

Подведем итоги. К завершению войны внешняя политика СССР приобрела все основные черты великодержавности, проявившиеся, во-первых, в притязаниях Москвы на равное с Великобританией и США участие в делах послевоенного мироустройства и регулирования международных отношений; во-вторых, в стремлении СССР обзавестись собственными сферами влияния; в-третьих, в выдвижении советской дипломатией собственных инициатив по решению сложных международных вопросов. Именно в этом ключе следует рассматривать и ближневосточную политику СССР того периода. В целом в палестинском вопросе за период 1944–1947 гг. советская политика совершила крутой поворот: с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, советская дипломатия перешла к поддержке плана раздела Палестины, внося таким образом существенный вклад в создание Государства Израиль.

Список литературы

1. **Агапов М. Г.** Палестина в военно-стратегических расчетах СССР: сентябрь 1939 – июнь 1941 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 3. С. 10–14.
2. **Архив внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ).** Ф. 06. Оп. 6.
3. **АВП РФ.** Ф. 0512. Оп. 1.
4. **АВП РФ.** Ф. 118. Оп. 1.
5. **Васильев А. С.** Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993. 355 с.
6. **Носенко В. И.** Характер и этапы советско-израильских отношений: 1948–1990 гг. // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. М.: ИМЭМО АН СССР, 1991. С. 65–104.
7. **Объединенные Нации:** официальные отчеты Второй сессии Генеральной Ассамблеи. Нью-Йорк, 1947. Т. III. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Приложение А. Устные показания, данные на открытых заседаниях. Дополнение № 11. 282 с.
8. **Объединенные нации:** официальный отчет Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Нью-Йорк, 1947. Т. I. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи: стенографический отчет 28 апреля – 15 мая 1947 г. 352 с.
9. **Рыжов И. В.** СССР и Государство Израиль: трудная история взаимоотношений. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2008. 224 с.
10. **Советско-израильские отношения:** сборник документов. М.: Международные отношения, 2000. Т. I. 1941–1953: в 2-х кн. Кн. 1. 1941 – май 1949. 560 с.

PALESTINE IN SOVIET PLANS OF POSTWAR WORLD ORDER (1944–1947)

Mikhail Gennad'evich Agapov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Modern History and International Relations
Tyumen' State University
magapov74@gmail.com

The author considers the process of the formation of the soviet policy toward the Palestinian problem at the final stage of World War II and during post-war reconciliation and shows the soviet diplomacy conversion from the position that demands the establishment of great powers with the Soviet Union collective trusteeship over Palestine to the support of Palestine partition plan.

Key words and phrases: Palestine; Middle East policy of the USSR; United Nations Organization.